

II. Этнографические памятники в собрании РЭМ

А. Ю. Заднепровская

Материалы для изучения культуры води

Водь, вожане — прибалтийско-финская народность, потомки древнего коренного населения Северо-Запада России. После вхождения в состав земель Великого Новгорода, водь в XIII в. была христианизирована.

Территория ее расселения в XIX — первой четверти XX в. — западная часть Петербургской губ. (ныне Кингисеппский р-н Ленинградской обл.). Проживая в этнически смешанном районе, водь испытала сильное влияние соседних народов. Начавшаяся еще в период Средневековья активная ассимиляция и аккультурация води ижорой и славянами (русскими) привела в итоге к резкому сокращению ее численности и утрате многих самобытных черт культуры.

Только в 1920-х гг. под руководством крупнейшего отечественного финно-угроведа профессора Д. А. Золотарева началось изучение этого народа отечественными специалистами. В это время он занимал должность хранителя (по современной терминологии — заведующего) отделом этнографии великорусов и финнов ЭО Русского музея, первым сформулировал задачи комплексного изучения прибалтийско-финских народов Северо-Запада России.¹ Только благодаря его уникальным организаторским талантам, в тяжелых условиях послереволюционной разрухи, при отсутствии достаточных денежных средств были организованы первые комплексные этнологические и антропологические научные экспедиции, в которых приняли участие специалисты разных гуманитарных учреждений Ленинграда. Отряды Северо-Западной этнологической экспедиции работали по единой программе в разных регионах. В 1921 г. было развернуто изучение карел, затем саамов, а с 1925 г. начато полевое исследование прибалтийско-финских народов: ижор, води, ингерманландских финнов, вепсов. Эти экспедиции заложили основу этнографического и антропологического изучения прибалтийско-финского населения Ленинградской губ.; был собран синхронный материал, представляющий уникальную возможность для сравнительного изучения культуры этих народов.

На первом этапе одной из неотложных задач стало уточнение этнографической карты изучаемого многонационального района. Особенно важным, как писал Д. А. Золотарев, был «поиск» водского населения, «утраченного официальными переписями 1897 и 1920 гг.»² Необходимо было также заполнить лакуны в музейном собрании, где отсутствовали материалы по этнографии води.

Изучение воды проводилось в течение трех летних полевых сезонов в 1926–1928 гг. в Кингисеппском и Котельском р-нах Ленинградской губ. В 1926 г. Д. А. Золотарев и помощник хранителя ЭО Н. Ф. Пряткова работали в д. Краколье Наровской вол. В последующие два года члены экспедиции этнограф Н. Ф. Пряткова и лингвист Я. Я. Ленсу продолжили начатую работу в дд. Бабино, Великино, Корвитино, Пиллово, Савикино Котельского р-на и дд. Нижние Лужицы и Куровицы Кингисеппского р-на. В экспедиции также участвовали архитектор Р. М. Габе, фотограф А. А. Гречкин, сотрудники ЭО Н. С. Розов, А. А. Беликов и группа студентов-антропологов. Результаты работы ленинградского отряда Северо-Западной этнологической экспедиции, несмотря на такой непродолжительный срок, были весьма значительными. Собрание ЭО обогатилось ценными материалами по культуре малых прибалтийско-финских народов, в нем появились первые вещественные памятники и фотографии.

Коллекции фотографий, документально точно отражающих культуру и быт води второй половины 1920-х гг., имеют уникальный характер. Особенно интересны снимки, выполненные Д. А. Золотаревым и А. А. Гречкиным в 1926 г. в Наровской вол. (фотокол. № 4544, 16 фотографий) и в 1927 г. в Котельской вол. (фотокол. № 4719, 44 снимка). На большей части фотографий представлены типы вожан — жителей дд. Нижние Лужицы, Пески, Краколье, Савикино и Бабино. Снимки, на которых зафиксированы представители разных половозрастных групп, важны и для изучения комплексов костюма этого периода. Фотография, изображающая группу девушек и молодуху, опубликована в сборнике «Мы живем на одной земле».³ Интересен также портрет пожилой женщины из д. Краколье Наровской вол.: она одета в косоклинный сарафан *krasike*, белую рубашку *paida*, головной убор *sappano*. На левом боку надето поясное полотенце *kušakka*, на голове — бисерное украшение *ušnikka*.

Фотоколлекция № 4719 отражает также темы «Рыболовство», «Жилище» и «Хозяйственные постройки». Особенно интересны фотографии интерьера — изображение святого угла и снимки, сделанные на кладбище. В 1929 г. Н. Ф. Пряткова с А. А. Гречкиным побывали на праздновании Ильинской пятницы в с. Ильеша Молосковицкого р-на. Там были сделаны уникальные снимки самого праздника и приуроченной к нему ежегодной ярмарки, на которую съезжалось население со всей округи (фотокол. № 5063).

Одновременно с фотофиксацией антропологических типов населения проводилось и его антропологическое изучение (обмеры). Этим занимались специально подготовленные студенты антропологического отделения Ленинградского университета.

В 1927 г. в качестве сотрудника Северо-Западной экспедиции к работе был привлечен лингвист Я. Я. Ленсу, изучавший ижорский и водский языки.⁴ В течение полевых сезонов 1927 и 1928 гг. исследователь посетил все деревни, где проживало население, владеющее водским языком. Он проводил сбор лингвистических материалов, составил грамматику и вел записи бесед с жителями на основе латинского алфавита. В 1930 г. Я. Я. Ленсу опубликовал свои полевые материалы в «Западно-финском сборнике» в статье «Материалы по говорам води», которая включает краткую грамматику водского языка, а также поступившие от информаторов оригинальные фольклорные тексты, поговорки, загадки, былички, сказки, песни и их переводы на русский язык.⁵ Эти тексты содержат разнообразную историко-бытовую информацию о жизни и занятиях населения. Особенно интересны сведения, касающиеся проведения братчин, семейных обрядов, а также информация о языческих верованиях води: поклонения камням, деревьям, источникам и принесении жертв.

В своей публикации Ленсу также затронул непростой вопрос о численности народа. В середине XIX в. наиболее полные сведения о численности води собрал академик П. И. Кёппен. По данным на 1848 г., она составляла 1475 человек — в Ораниенбаумском и 3673 — в Ямбургском у., всего 5148 человек.⁶ Однако во время переписи 1897 г. водь не была включена в перечень народов, по-видимому, ее объединили с ижорой.

В 1920-х гг. в условиях активно идущей ассимиляции и аккультурации главным показателем национальной принадлежности для исследователей было знание родного языка. Я. Я. Ленсу писал: «...водь говорит обыкновенно по-русски; водский говор применяется только в беседах, между собою, стариками и пожилыми людьми».⁷ По его мнению, численность вожан, владеющих родным языком, в тот период составляла около 500 человек. Его оценки оказались достаточно точными: перепись 1926 г. дала цифру 700 человек.

Написанная для «Западно-финского сборника» 1930 г. статья Н. Ф. Прытковой называется «Одежда ижор и води», но посвящена она преимущественно ижорским материалам.⁸ В ней автор фактически констатирует раннюю и полную утрату старинной водской одежды. Уже во второй половине XIX в. водские женщины перешли к ношению русского комплекса костюма с сарафаном. Одновременно они, по-видимому, заимствовали и ижорский головной убор *саррано*. Интересно, что в середине 1920-х гг. сотрудники экспедиции зафиксировали ношение пожилыми вожанками сарафана в комплексе либо с головным убором саппано (д. Краколье), либо с сорокой (д. Пиллово).⁹ Праздничной как у женщин, так и у мужчин в это время стала одежда городского типа.

Важнейшим результатом работы экспедиций явилось то, что были заложены основы источниковедческой базы для изучения культуры народа. По словам Д. А. Золотарева, водь «очень плохо сохранила свои этнографические особенности», что выразилось в распространении и закреплении в их хозяйстве и бытовой культуре общерегиональных черт. Тем не менее высокая квалификация членов экспедиции позволила собрать интересные материалы, заполнившие существенную лакуну в музейном собрании: в фонды поступило около 70 предметов, характеризующих культуру води, все они вошли в состав смешанных водско-ижорско-финских коллекций (№№ 4460, 4983, 4984) и были тщательно обработаны и зарегистрированы Н. Ф. Прытковой. В настоящее время водское собрание насчитывает 50 экспонатов.

Основные и подсобные занятия води представлены в коллекции небольшой группой предметов: так, например, рыболовство — «тарболкой» — шестом для загона рыбы в сеть и образцом невода, сплетенного из бечевки. В коллекции первоначально были также мережа, вентерь — *piusa*, сеть «оборница», сеть на леца, что говорит о значительной специализации рыболовства у народов, населяющих южное побережье Финского залива.

Из орудий ткачества было приобретено мотовило, изготовленное из естественной развилки дерева.

Утварь и посуда достаточно полно представлены в собрании; они разнообразны по своему назначению, материалу и технике изготовления. Это деревянная долбленая ступка с пестом, служившая для приготовления льняного масла; кузовок из лучины для хранения и переноски продуктов, а также целый набор изделий, сплетенных из соснового корня: солонка, сахарница, тарелка, ваза. Широкое бытование подобных предметов свидетельствует о сохранении у води вплоть до начала 1930-х гг. традиционного плетения из корня как одного

из распространенных занятий. В их ассортименте прослеживается влияние городской культуры, достаточно развитое уже в начале XX в. Глиняную посуду — кувшины и горшки — жители водских деревень покупали на знаменитой региональной ярмарке в с. Ильеша. Как указано в коллекционной описи, ее изготовлением занимались мастера известного гончарного центра в с. Большое Стремление Котельского р-на.¹⁰ Наряду с посудой мастера обычно изготавливали и детские глиняные игрушки. В коллекции представлены разнообразные глиняные свистульки в виде фигурок собаки, птицы, всадника.

Среди празднично-обрядовой посуды особенно интересен жбан для пива, изготовленный в бондарной технике. Он имеет коническую форму, а носиком служит естественный сучок дерева; жбан украшен вырезанным узором в виде маленьких кружков. По форме и декору он близок к аналогичным изделиям других прибалтийско-финских народов и имеет те же обрядовые функции: собирателем зафиксировано его использование во время свадеб.¹¹

Предметы праздничного убранства водского дома представлены двумя домоткаными полотенцами полотняного переплетения, сотканными из льняных и хлопчатобумажных нитей. Концы полотенца украшены вышивкой красными льняными нитями двухсторонним швом. Вышивка состоит из трехчастной композиции: стилизованные изображения лав, древа и женской фигуры с конями. Полотенца с подобными изображениями широко бытовали у водского населения и использовались для украшения икон в красном углу. Подобные образы сюжетной вышивки весьма интересны для сравнительного изучения прибалтийско-финской и северо-русской орнаментальной традиции на Северо-Западе России.

Из предметов мужской одежды имеется редкий в музейных собраниях старинный кафтан *rüdi* (рюди) из белого домашнего холста, с отделкой из фабричной ткани. В конце XIX в. такие кафтаны еще бытовали в качестве свадебной одежды жениха, а в дальнейшем использовались как праздничная одежда.¹² Подпоясывались они нарядными поясами с кистями.

В коллекции довольно много предметов женской одежды, но старинных вещей нет. Это объясняется тем, что архаические предметы водского костюма — плечевая одежда *ama* (ама), кофта *ihad* (ихад) и головные уборы — девичья шапочка *pääsie* (пясиэ) и шлякообразный женский головной убор с длинной лопастью, спускавшейся на спину, во второй половине XIX в. вышли из употребления. Сведений о них Н. Ф. Прытковой собрать не удалось.

Старинная одежда оказалась полностью вытеснена сарафанным комплексом, распространившимся у води под влиянием русского и ижорского костюмов. В коллекции представлены рубахи, кофты, сарафаны, передник конца XIX — начала XX в. По материалам Н. Ф. Прытковой, косоклинные сарафаны получили распространение у народов края во второй половине XIX в. В дальнейшем на протяжении 70–80 лет происходила динамичная смена сарафанов разного типа. Наиболее старинные носили название *ummikko* «уммико», их шили из белого льняного холста; более поздним вариантом был «синяк» — сарафан из холста, окрашенного в синий цвет. Первоначально такие сарафаны составляли принадлежность преимущественно девичьего костюма, а потом (предположительно в конце XIX в.) превратились в одежду пожилых женщин. У девушек в это время модной одеждой стали широкие сарафаны «прямого покроя», сшитые из покупных тканей, причем для праздничных

использовали шелковые и шерстяные ткани. По материалам экспедиций середины 1920-х гг., эти сарафаны носили уже только пожилые. В описаниях фотографий водских девушек и женщин в сарафанах и кисейных рубашках Прыткова отмечает, что они «нарядились специально для фотографирования». Повседневной и праздничной одеждой молодежи в это время была одежда городского типа.

Однако вплоть до начала 1930-х гг. в сознании населения сарафаны еще сохранились как обрядовая одежда и являлись показателем статуса замужней женщины. По наблюдениям Прытковой, молодухи обычно надевали сарафаны на второй день свадьбы в сочетании с кисейной рубашкой.¹³

В коллекции представлены три варианта женских рубах *paida* (пайта). Первый — рубаха из грубого домашнего холста, с крупным вырезом и рукавами, собранными у кисти в мелкие сборки, с полками, украшенными нашивками из кумача и вышивкой шерстяными нитками (фигурки птиц). Второй вариант — рубаха, стан и рукава которой сшиты из фабричной бумажной ткани; третий, более поздний вариант — так называемая «кисельная» рубаха из белой кисеи, с присборенным круглым воротом и рукавами, собранными на сборку у локтя.

Как показали материалы Прытковой, головные уборы замужних женщин у води в деревне Краколье аналогичны ижорским *sarpano*. Ею были записаны и названия отдельных частей и орнамента, которые также совпадают с ижорскими.¹⁴

В д. Пишлово Котельского р-на в у водских женщин было зафиксировано бытование сороки, которая уже вышла из употребления. Для музейного собрания был приобретен один образец сороки с очельем, украшенным вышивкой шелком, серебряной мишурной нитью и блестками. Прыткова описывает дополнительную деталь этого головного убора — так называемый «плетешок» в виде золотой позументной ленты, шириной 3 см, который повязывался на лобную часть сороки.

Более поздние женские головные уборы представлены повойниками, которые пришли в водскую деревню в конце XIX в. В 1920-х гг. повойники были головными уборами пожилых женщин. Собирательница приобрела повойники, разные по форме и материалу: из атласа, бархата, шелка и сатина — яйцевидной формы («наколки»), и изделия круглой и овальной форм («колпачки»). Один из повойников имеет нашивку из черной ленты, что, по словам Н. Ф. Прытковой, указывает на его принадлежность пожилой женщине.¹⁵ Можно предположить, что головной убор с нашивкой из черной ленты носили как траурный.

Из обрядовых девичьих головных уборов отметим свадебный венок невесты *venokko*. Для коллекции их было приобретено два, однако в настоящее время остался только один экземпляр.¹⁶ Основу венка составляет обруч из проволоки, обтянутый тканью. С наружной стороны к нему прикрепляли яркие бумажные цветы, стеклянные бусины, елочный «дождик» и крашеные перья. Свадебный венок надевали невесте после того как ей распускали волосы; в нем она должна была «голосить» — причитывать на улице, перед тем как ехать в церковь венчаться. Венок у вожанок, как и у других народов, являлся символом «волношки» и «девичьего красования». Во время обряда невеста несколько раз обменивалась своим венком с незамужней сестрой, видимо, для того, чтобы и та поскорее вышла замуж. Такие же венки, только более простые, надевали подружки невесты. Эти традиции, еще активно сохранившиеся в 1910-х гг., в середине 1920-х гг. уже были утрачены.

Комплекст женских украшений води включает серьги и бусы, которые чаще всего состояли из трех низок. Широко распространены были ожерелья из стеклянных бусин, но наиболее традиционными считались снизанные из чередующихся стеклянных бусин и мелких раковин. В коллекции РЭМ имеется образец серебряных серег из д. Нижние Лужицы в виде подвесок овальной формы с ушком в виде колечка. Серебряные украшения у води, по-видимому, бытовали достаточно широко и ценились, но, как пишет Прыткова, их было трудно приобрести для музея, поскольку у населения сохранялся обычай «спрыскивать тяжело больных» водой с серебряных вещей.¹⁷

В коллекции также представлены характерные для деревенской моды 1920-х гг. дополнения к праздничному женскому костюму: воротнички из сложенных в мелкие складки покупных кружев, так называемая «блойка», и шелковые красные ленты, концы которых завязывали бантами. Ими подвязывали рукава рубах; банты с длинными концами прикалывали сзади к вороту рубахи или кофты так, чтобы они спускались на спину. Их носили молодые замужние женщины в течение года после свадьбы, вплоть до рождения ребенка.¹⁸

К числу уникальных обрядовых предметов, имеющихся в собрании музея, относится свадебное полотенце из домотканого холста с вышитым узором в виде стилизованной женской фигуры, окруженной растительным и геометрическим орнаментом.¹⁹

Духовную культуру води характеризуют две иконы наиболее почитаемых святых — Казанской Божией Матери и Николая Чудотворца — и деревянный киот.²⁰

Хранящиеся в РЭМ вещественные и фотографические коллекции, посвященные культуре води, в полном объеме еще не опубликованы и не введены в научный оборот. Они имеют особую научную значимость, потому что в музеях России это наиболее полно и хорошо аннотированный круг вещественных и изобразительных источников для изучения культуры ныне исчезнувшего народа. Коллекции невелики, но все же они характеризуют как общие для всех народов региона черты, так и некоторые особенности культуры води конца XIX — начала XX в. Экспонаты относятся, главным образом, к позднему этапу развития водской культуры, однако некоторые из них, особенно обрядовые предметы, предметы убранства жилища и образцы старинной одежды, дают представление о существовавшей в прошлом яркой и самобытной культуре этого народа. Водские коллекции, наряду с памятниками культуры других прибалтийско-финских народов Северо-Запада России, занимают достойное место в собрании музея и широко используются для изучения и музейного показа культуры этого региона.²¹

В 1927 г. в музее впервые был открыт зал, посвященный культуре народов Ленинградской губ. Кроме того, водские коллекции экспонировались на специальных тематических выставках: «Народное искусство и художественные промыслы Ленинградской области» (1972) и «Из прошлого населения Санкт-Петербургской губернии: вепсы, воль, ижоры, карелы, ингерманландские финны» (1990). С 1993 по 1997 г. в залах Российского Этнографического музея была открыта большая региональная выставка «Из истории Санкт-Петербургской губернии», на которой впервые в полном объеме были показаны материалы, посвященные всем прибалтийско-финским народам региона.

Примечания

- ¹ Золотарев Д. А. Обзор исследовательских работ Ленинградских учреждений по антропологии, палеоэтнографии и этнографии за последние 10 лет // *Человек*. 1928. №№ 2–4. С. 249.
- ² Он же. У ижор (экспедиционные впечатления) // *Труды ЛОИМК*. Л., 1927. Т. 1. С. 142.
- ³ Конькова О. И. Водь // *Мы живем на одной земле: Население Петербурга и Ленинградской области*. Л., 1992. Вклейка после с. 64.
- ⁴ Я. Я. Ленсу совместно с В. С. Дубовым и В. И. Юнусом издал «Азбуку и первую книгу для чтения для ижорских школ» (Л., 1932).
- ⁵ Ленсу Я. Я. Материалы по говорам води // *Западно-финский сборник: Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран*. Л., 1930. Вып. 16. С. 201.
- ⁶ Кёппен П. И. Водь и Волская пятина // *ЖМНП*. СПб., 1851. Ч. LXX. С. 143–146.
- ⁷ Ленсу Я. Я. Указ. соч. С. 202.
- ⁸ Прыткова Н. Ф. Одежда ижор и води. Из материалов Северо-Западной экспедиции 1926–28 годов // *Западно-финский сборник*. Л., 1930.
- ⁹ РЭМ, кол. оп. № 4984-10.
- ¹⁰ Народное искусство и художественные промыслы Ленинградской области: Каталог выставки / Авт.-сост. Д. А. Горб, И. И. Шапгина. Л., 1984. С. 32, 50.
- ¹¹ РЭМ, кол. оп. № 4983-13, 14.
- ¹² Там же, № 4984-31.
- ¹³ Прыткова Н. Ф. Указ. соч. С. 312.
- ¹⁴ Там же. С. 322.
- ¹⁵ РЭМ, кол. оп. № 4460-28–31.
- ¹⁶ Там же. № 4983-24.
- ¹⁷ Там же. № 4983-56, 57.
- ¹⁸ Прыткова Н. Ф. Указ. соч. С. 336.
- ¹⁹ РЭМ, кол. оп. № 4983-32.
- ²⁰ Там же, № 4983-58.
- ²¹ Экспонаты описаны.